

второй половины XIX века, чем дает, в первую очередь, возможность анализа динамики русского просторечия в будущем.

Выражаем благодарность авторам публикаций за предоставленные материалы и приглашаем коллег к дальнейшему научному общению!

Л.В.Алешина

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОСТОРЕЧИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. (на материале произведений Н.С. Лескова)

Анализ живой непринужденной речи, в частности, просторечия, все чаще привлекает внимание лингвистов, поскольку дает многое в плане постижения наивно-языковой картины мира, изучения национального языка во всех его проявлениях, выявления тенденций языкового развития.

Ученые, исследовавшие живую разговорную речь на материале языка советского периода, ограничивали круг информантов в основном людьми с высшим образованием и студентами, реже привлекалась речь лиц со средним образованием, причем «в том случае, если их высокая культурность была хорошо известна» [1, с. 4]. Это неизбежно искажало, нивелировало языковую картину, реальное представление о которой можно получить лишь с учетом особенностей просторечия, которое, наряду с диалектами и жаргонами, входит в национальный язык, оставаясь за рамками его литературной формы.

Тем более важно уделять внимание просторечию при изучении разговорной речи минувших эпох, когда процент людей с высоким культурным и образовательным уровнем был слишком мал, особенно в провинции, а нормы литературного языка еще не устоялись. При изучении живой разговорной речи прошлого исследователи опираются на письменные источники, одним из которых является художественная литература соответствующей эпохи. Обращаясь к этому поистине неисчерпаемому материалу, неизбежно приходится сталкиваться с таким явлением, как стилизация, т.е. «намеренное построение художественного повествования в соответствии с основными принципами организации языкового материала и наиболее показательными внешними речевыми приметами, присущими определенной социальной среде, исторической эпохе, жанру..., которые избираются автором в качестве объекта имитации» [2, с. 334]. Таким образом, стилизации подвергаются именно типичные особенности речи определенных социальных слоев носителей языка.

Н.С.Лесков – один из блестящих мастеров стилизации, по произведениям которого можно изучать особенности русского просторечия второй половины XIX в. Для творчества этого самобытного писателя «характерным является глубочайший национализм, проникновенное внимание к национальным особенностям русского языка...» [3, с. 144]. Н.С.Лесков гордился тем, что знает русский народ и русский язык изнутри, поскольку рос и формировался как личность в самой народной среде. В течение всей своей творческой жизни писатель, по его собственным словам, «прислушивался к выговору и произношению русских людей на разных ступенях их социального положения. Они все говорят у меня по-своему, а не по-литературному...» [4]. О мастерской «постановке голоса» героев в произведениях Лескова говорят многие исследователи его творчества. В то же время существенным является стремление писателя избегать излишней акцентировки на местные диалекты, натуралистичного воспроизведения всех, в том числе несущественных, особенностей народной речи. Знаменательно предостережение мастера начинающей писательнице О.А.Елшиной: «Мало ли чего не коверкает чернь. Этого нельзя всего в литературу вводить» [5, с. 215]. Все эти особенности творческой манеры Лескова позволяют использовать язык его произведений в качестве материала для изучения разговорной речи и просторечия как ее неслучайной составляющей второй половины XIX в.

Задавшись целью выявить особенности городского просторечия российской провинции, нашедшие отражение в творческом наследии Н.С.Лескова, мы рассматривали только те произведения, герои которых являются либо выходцами из провинциальных городов, либо их постоянными жителями.

Для просторечия характерно нарушение фонетических и грамматических норм литературного языка, обусловленное их незнанием. Это нашло отражение в речевой характеристике героев Н.С.Лескова.

Нарушение фонетических норм прослеживается в таком явлении, как смещение ударения: «...это *немыслимая гадость*», «Разве это *мыслимо*...?» («Полунощники»), протеза «*Катерина Ильвовна*» («Леди Макбет Мценского уезда»); «...*кровь носом ишла*» («Грабеж»), «*Никола божий амченский!*», «...*спорилицы и упротивный*» («Воительница»); диссимиляция и метатеза: «...*дохтарь завтра, бают, приедет*» («Некуда»), «...*а была у Ивана Ивановича китрать, в нее и писали*» («Несмертельный Голован»), «...*секлетарем служит*» («Русское тайнобрачие»), «*А они к лерегии привержены*...» («Грабеж»), «...*свою амбицию дворянскую почувствовала*», «...*неслись мы во весь кульер*», «*Ходила я к сталоверу*...», «...*а она сидит и глазком с ланпады не смигнет*» («Воительница»); эпентеза, наращение: «*Страмовица ты!*» («Воительница»), «...*достань там сткляночку*...» («Дама и фефёла»); выпадение ослабленного [j]: «*Он сейчас узнает*» («Некуда»); замена фонемы: *пужать, женчина, фамия*.

В области морфологии для просторечия типично искажение форм местоимений: «*Вот изволите видеть, какое ихнее и у богатых-то понятие*» («Леди Макбет Мценского уезда»), «*Так ты и станешь дожидаться евонных понятьев!*» («Зимний день»), «...*здесь не таковский город*...» («Воительница»); замена падежной флексии: «...*я, может, и допреж твоих этих обещаниев знала, что над тобой сделать*...» («Леди Макбет Мценского уезда»), «*Он ребенок, еще совсем без понятьев*», «...*я только всего и люблю баловать да помять их, красивых детишков*» («Зимний день»), «...*знакомцев окромя писателей никого из достойных лиц у них не бывает*...» («Русское тайнобрачие»), «...*видимо-невидимо лежит этих саквояжев*», «...*что хитростев всяких настало*» («Воительница»).

Реже встречается ненормативное образование форм числа у существительных: «*Все чернило и марки у него на руках*» («Русское тайнобрачие»), «...*хорошо этими любвями заниматься у кого есть приспешники*...» («Воительница»); отклонения в образовании форм степеней сравнения прилагательных: «...*а который слабже выйдет – тому дадим на рясу за беспокойство*» («Грабеж»); ненормативное образование глагольных форм: «...*бежи ему встречу*» («Грабеж»), «...*как ты смеешь идтить?*», «*Ну, бегла, бегла, да стала*», «*Я уж это все мимо ушей пуцаю*...», «...*тот рыбою плавлет*...» («Воительница»); ненормативное образование причастий: «...*ты женщина нуждающая*...» («Воительница»).

Обращают на себя внимание некоторые особенности употребления деепричастных форм в речи представителей социальных слоев, близких к простонародью. Так, деепричастия несовершенного вида на -ючи, -ючи характеризуются как архаичные, диалектные или стилистически окрашенные уже с точки зрения общезыковых норм XIX в. [6, с. 310]. Однако такие формы были довольно распространены в речи мещан, купцов, приказчиков – героев лесковских произведений: «*А я бы, брат, умираючи, вот как лучше сделал*...», «*Павла его не выдала жалеючи, а Голован ее любячи*» («Несмертельный Голован»); «*А я, это слышючи, думаю*...» («Очарованный странник»); «*А она, уж совсем это на пороге-то стояючи, вдруг улыбнулась*», «*Я, мол, их точно в тонкость не знаю, а что сватаючи их, сама я их порочить не должна*» («Воительница»); «*Видючи теперь, как возьмут вас за белые ручки.. должен я все это переносить*...» («Леди Макбет Мценского уезда»).

Деепричастия совершенного вида на -вши в современном русском языке вытесняются формами на -в; деепричастия же несовершенного вида на -ши, -в, -вши являются неупотребительными, вымирающими. Более того, В.В.Виноградов отмечал, что «употребление форм на -в, -вши, -ши от основ несовершенного вида... синтаксически ограничено. В русском литературном языке XIX в. оно было возможно лишь при глаголе-сказуемом в форме прошедшего времени» [6, с. 310]. Наши наблюдения показывают, что деепричастные формы на -ши,

-вши от основ как совершенного, так и несовершенного вида широко употребляются Лесковым для речевой характеристики представителей социальных слоев городской провинции с низким культурным уровнем, причем зачастую они выступают в роли предиката: «...*Иван Голован, говорит, в городе и даже у меня и приставиши*» («Очарованный странник»); «*Маменька уже совсем были от старой веры отставиши и по новым святым... акафист читали*», «*А они к лерегии привержены и желамши слушать*», «...*в нем сердце в груди зашедишись*» («Грабеж»); «...*тятенька, на волю откупимшись, тут домик в долг тоже купили...*», «*Барин вставиши давно, чай в зале кушает*» («Некуда»); «*И потом же они были напугавшись, куда от них из мертвецкой мертвый делся*» («Импровизаторы»).

В произведениях Лескова часто встречаются типичные для просторечия экспрессивные междометно-глагольные формы мгновенного, резкого действия, выступающие в роли предикативов: «...*порх этак передо мною какой-то господин*», «*Наш это, что с ружьем-то ехал, бац из ...ружья...*», «*Хап меня под руки-то*», «*А он в это время хлоп свой картузик...*», «*Толк я тут-то куму*» («Воительница»); «...*кувырк с воза под колесо*», «...*плюх один против другого, сели на землю*» («Очарованный странник») и т.п.

При обозначении действия дискретного, представляющего собой ряд повторяющихся мгновенных действий, используется повтор таких форм: «...*а она это дерг-дерг себя за губенку-то*», «...*а она, смотрю, морг-морг и кидается ко мне*», «...*кто-то стук-стук-стук в двери*», «...*слышу, низок-то подо мною тресь-тресь-тресь*» («Воительница»).

Во всех выявленных нами случаях употребления подобных форм они входят в парадигму глаголов с инфинитивом на -нуть (порхнуть – порх, кувыркнуть – кувырк, треснуть – тресь и т.д.).

Одной из особенностей просторечия является употребление постпозитивной частицы -то, которая присоединяется к словам практически любой части речи и привносит оттенок непринужденности и фамильярности: «*Буди барышень-то*», «*Что это вы сами-то таскаете?*», «*Ну что это, сударыня, глупить-то!*», «*Вот уж именно хорошее-то и богу нужно*», «*Что мне, мой друг, нападать-то! Мне вовсе не приятно, как о ней пустые-то языки благовестят*», «*Но из одной-то ошибки в другую лезть не следует*» («Некуда») и т.п.

На уровне синтаксиса наблюдаются отступления от нормативного глагольного управления, синтаксические конструкции, не свойственные литературному языку: «*Я жизни моей не рад сам за этой любовью*» («Леди Макбет Мценского уезда»), «...*очень тебе на твоём угощении благодарна...*», «...*у меня саквояж сейчас из рук украдено*», «...*меня так и так сейчас обкрадено*», «...*Дали мне эту бумагу, что меня точно обкрадено...*», «*Что б это мне, кабы знать-то, остаться у нее...*», «...*я разбита, друг мой, в последняя разбита*» («Воительница»).

В просторечии часто наблюдается измененный морфемный состав производных слов: «*Сродственников имеете?*», «...*завсегда готова, что только могу...*» («Некуда»), «...*они могли ожениться*» («Несмертельный Голован») и т.п.

Для разговорной речи характерно обилие прилагательных и качественных наречий с префиксом пре-, причем зачастую от основ, которые уже своей семантикой выражают высокую степень признака: «*Превежливый барин... Препростодушный, говорю тебе, барин*», «*Она женищина преехидная..., с рожки она престрашная и язык у нее такой пребольшущий, как у попугая*» («Воительница»); «*Ведь это предосадно-с, преобидно и преоскорбительно!*» («На ножах») и т.п.

Е.А.Земская в качестве сильного экспрессивного средства разговорной речи отмечает повтор, второй член которого содержит «приставку пре- или раз-, придающую усилительное значение всей конструкции» [1, с. 222]. Такие повторы часто встречаются в речи героев Н.С.Лескова независимо от их социальной принадлежности и культурного уровня: «*Эх, а дома у нас теперь щи... варят жирные-прежирные, и отец Илья, наш священник, добрый-предобрый старичок...*» («Очарованный странник»); «*Он уже очень старый-престарый*» («Воительница») и т.п. Экспрессивность усиливается в тех случаях, когда префиксальным является не второй, а первый член повтора, и особенно при тройном повторе, а также при

употреблении в препозиции одиночного однокоренного прилагательного: «...извозчик наши распьяным-пьяно-пьян сделался», «Такая эта подлая Авдотья Ивановна, ...преподлая-подлая» («Воительница»); «А что уж непостоянный подлец, пренепостоянный-непостоянный» («Леди Макбет Мценского уезда»); «Самый препустейший-пустой человек» («Очарованный странник») и т.п.

Влияние фольклора мы усматриваем в употреблении глагольных повторов, второй член которых содержит префикс по-: «...узнаю-поузнаю, как она познакомилась с этим, с молодым-то» («Воительница»); «А между тем вдруг однажды слышу-послышу: татарва что-то сумятыся» («Очарованный странник»).

К особенностям разговорной речи относится обилие форм существительных и прилагательных с суффиксами субъективной оценки. Так, речь героя Журавки из повести «Обойденные» пересыпана существительными с суффиксами -ишк-, -онк-, -онок-: «портретчонко, говорит, хочет себе заказать», «позвольте мне в долг пару бутылчонок шампанского», «А вы и водчонки не дадите», «Я вот грибочком закушу», «Это подлое ружьенко. А этот штуцеришко... добрый!», «Чашки разве» и т.п. В приведенных примерах нет коннотативного компонента содержания, отражающего презрительное, пренебрежительное отношение к обозначаемому предмету. Таким образом, суффиксы выступают как собственно уменьшительные.

Однако более типичной для просторечия является ксеноденотативная переадресованность лексических сем, при которой «сема оценочности... распространяется не на денотат данного слова, а на чужой денотат» [1, с. 124]. Например: «Бывало, сам ее (лошадь) вычищу и оботру ее всю как есть белым платочком, чтобы ни пылиночки у нее в шерстке нигде не было, даже и поцелую ее в самый лобик, в завиточек, откуда шерсточка ее золотая расходилась» («Очарованный странник»). Здесь положительная оценка относится не к пылинкам, шерстке, лобик, завиточкам, а к лошади. См. также: «...а она, гляжу, в одной рубашонке сидит на стуле, ножонки под себя подобрала и папироску курит. Такая беленькая, хорошенькая да нежненькая», «...заскребло, вижу, ее за сердчишко-то; губенки свои этак кусает... Я ее опять по головке глажу, волоски ей за ушко запроляю, а она сидит и глазком с ланпады не смигнет» («Воительница») и др.

В языке героев произведений Н.С.Лескова встречается собственно просторечная лексика, характерная для устной обиходной речи, но не имеющая грубой экспрессивной окраски: «Сем-ну я хоть встану по двору погуляю...», «У Копчиновых допреж служил...», «Чего я таперича отсюдова пойду», «Чтой-то, однако, исправди, ребята, нашего хозяина по сю пору нетути?» («Леди Макбет Мценского уезда»); «Не любит ко мне, старухе, учащать, скучает», «...опричь грибов ничего не варили...», «Ишь, у тебя волосы-то как разбрьлялись...» («Некуда»), «Была я намедни...» («Воительница»).

К просторечной лексике и в современном языке относятся существительные со значением лица женского пола по профессии, должности, образованные при помощи суффиксов -ш(а), -их(а), -к(а), реже -есс(а). В XIX в., когда профессиональная деятельность женщин была ограничена, такие образования характеризовались яркой экспрессивной окраской и относились скорее к просторечию. У Лескова подобные производные встречаются как в речи героев, так и в авторской речи: импровизаторша, главариха, факторша, атаманиха, пекарша, дюшесса и т.п. Для языка XIX в. более характерно употребление существительных с такими суффиксами для обозначения жены по мужу: докторша, вице-губернаторша, предводительша, камергерша, становиха, акцизничиха, квартальничиха и т.п. (в современном русском языке такое значение проявляется редко).

Среди существительных, обозначающих женщин, выделяется еще одна группа – это образования от женских фамилий, носящие фамильярный характер. Уже в языке второй половины XIX в. такие образования оценивались как сниженные, просторечные [7, с. 84]. В произведениях Лескова они широко употребляются в разговорной речи героев разных социальных слоев: Дислен – Дисленьша, Бизюкина – Бизюкинша, Бодростина – Бодростиниха, Вихиорова – Вихиорша, Измайлова – Измайлиха, Давыдовская – Давыдовчиха и т.п.

Фамильярными, часто сниженными, ярко-экспрессивными являются субъективно-оценочные образования от мужских фамилий, широко употребительные в разговорной речи героев Лескова независимо от их социальной принадлежности: Форов – Фор, Фоша, Форушка; Горданов – Гордашка; Термосесов – Термосеска, Термосесушка; Дробадонов – Дробадон и т.п.

В разговорной речи встречаются слова с особыми, как правило, метафорическими, значениями, свойственными просторечию: «*Болтается девочка, не читает ничего, ничего не любит*», «*Дуйте, дуйте ей, сударыня, в уши-то, что она несчастная...*», «*О, прах тебя побери!*» («Некуда»); «*Не лакай черного пива...*» (Зимний день), «*Свистун, а мужик добрый*» («Мелочи архиерейской жизни»), «*Этот господин что хотите брякнет*», «*Тут баринок видит, что имеет дело с человеком крепким: перестал пылить...*» (Русское тайнобрачие»).

Встречается в речи героев и грубопросторечная лексика со сниженной экспрессивной окрашенностью: «*Что вам про Сергея, что ли, что-нибудь набрехано?*» («Леди Макбет Мценского уезда»), «*Отдай, – говорит, – своей гольтене-то!*» («Полуночники»), «*Черт бы все это драл...*», «*Врете вы, мерзавцы...*» («Мелочи архиерейской жизни»), «*...если он наглец какой, так и вон его*» («Воительница»).

В XIX в., особенно во второй его половине, на русскую почву широким потоком хлынула иноязычная лексика, что неизбежно привело к ее ассимиляции в речи малообразованных слоев общества, в процессе которой заимствованное слово переосмысливалось носителями языка и переоформлялось путем сближения с исконными словами, похожими по своему звучанию, чаще всего при помощи контаминации (так называемая народная этимология). Лесков, стилизуя свой язык под язык народа, не мог не отразить этого явления, тем более, что и сам был склонен к словотворчеству. Почти во всех работах, посвященных литературному наследию Лескова, говорится о его увлечении образованиями, представляющими собой случаи народного переосмысления слов. Это объясняется тем, что такие слова бросаются в глаза своей необычностью, а также сконцентрированностью их в нескольких произведениях («Левша», «Леон, дворецкий сын», «Полуночники»). В рассматриваемых нами романах и повестях наблюдаются единичные случаи употребления слов, являющихся результатом народной интерпретации известных языку слов, причем трудно установить, созданы эти слова писателем или услышаны им у народа: «*Это Голован, выходит, был у вас что-то вроде нотариуса?*» *Старик улыбнулся и тихо молвил: «Из-за чего же мотариус! Голован был справедливый человек*» («Несмертельный Голован»); «*Вот этого ужасного плакона берегись...*» *И вынимает из-за шейного платка беленький стеклянный пузырек...*» («Тупейный художник»). В первом случае содержание слова *нотариус* понимается приблизительно так: «тот, кто запутывает, мотает людей», во втором случае слово *флакон* переосмысливается как «то, к чему обращаются, когда хочется плакать».

Помимо окказионализмов, созданных в духе народной этимологии, в языке Н.С. Лескова отмечается большое количество новообразований, созданных как с нарушением языковых норм, так и в рамках продуктивных словообразовательных типов, что также отражает особенности живой устной речи. Тот факт, что удельный вес неузальной лексики в разговорной речи гораздо выше, чем в речи литературной, художественной, неоднократно отмечался исследователями.

Живая разговорная речь провинциального купечества, мещанства, разночинной интеллигенции отличалась образностью, яркостью, достигавшейся употреблением пословиц, поговорок, фразеологизмов, ярких сравнений и метафор. Пословицы и поговорки органично вплетаются в речь персонажей произведений Н.С.Лескова: «*Нынче, чем ты кому больше добра делаешь, тем он только готов тебе за это больше напакостить. Тонет, так топор сулит, а вынырнет, так и топорища жаль*», «*Я, говорю, тоже дома не сижу: волка, мол, ноги кормят*», «*Тожже, говорю, новости: у Фили пили, да Филю ж и били!*» («Воительница»); «*Пустое это и не господское дело лошадыми торговать, но, думаю, чем бы дитя ни тешилось, абы не плакало...*» («Очарованный странник»); «*Ну, полно, – знаешь: и на Маишку бывает промашка*», «*И опять, что не в коня корм-то класть*» («Некуда»).

Интересен следующий монолог настоятельницы монастыря, аристократки по происхождению: *«Дурак он большой: ...несет вздор, благо попал в болото, где и трясогуз – птица. Как это ты, в самом деле, опустил, Егор, что не умеешь отличить паву по перьям... Зина с Соней какие-то нылы ноющие, – кто уж их там определит: и в короб не лезут, и из короба не идут. На этот фрукт нонче у нас пора урожайная: пруд пруди людям на смех, еще их волю останется. А Лизанька – кровь!... Ты должен ее защитить от этого пиленья-то. Ведь сам знаешь, что против жару и камень треснет...»* («Некуда»).

Эмоциональность, живость разговорной речи достигается также построением рифмованных присказок, прибауток: *«Орел да Кромы – первые воры, а Карачев на придачу, а Елец всем ворах отец»*, *«Наш Елец хоть уезд-городок, да Москвы уголок»*, *«...пойдем во все следы, пока дойдем до беды»* («Грабеж»); *«Ну, был ни при чем, стал городничом»*, *«...а муж хоть и им негож, так и другой не трожь»* («Воительница»); *«Восемь пудов до обеда тянет, а пихтерь сена съест, так и гирь не достанет»*, *«Сыпь, не зевай, гребла не замай, будут вершки, наши лишки»*, *«Думаю, сколь эти Ливны дивны»* («Леди Макбет Мценского уезда»); *«На-ка, мол, тебе кукиш, на него чего хочешь, то и купишь»*, *«А у меня голова не чайная, а у меня голова отчаянная»* («Очарованный странник») и т.п.

Все вышеприведенные примеры взяты из речи героев с невысоким образовательным и культурным уровнем. В употреблении рифмованных прибауток мы усматриваем влияние фольклора. Подобные обороты встречаются в речи лишь одного образованного героя – Висленева из романа «На ножах», который искусственно имитирует народную речь, фиглярничает и юродствует: *«Нам, брат, Питер-то уже глаза повытер»*, *«Где лавр да мирт, а здесь квас да спирт, вот вам и Россия»*.

Для речи многих литературных героев характерны яркие сравнения, метафоры: *«Что ж что песни пел? Комар вон и весь свой век поет, да ведь не с радости»* («Леди Макбет Мценского уезда»); *«А снег, как назло, еще сильнее повалил; идешь, будто в горшке с простоквашей мешаешь: бело и мокро»*, *«Что вы это парня в бабьем рукаве парите!»*, *«...и нижняя губа как будто откидной передок в фэтоне отваливалась»* («Грабеж»); *«Если его причесать по форме..., то все лицо выйдет совершенно точно мужицкая балалайка без струн»* («Тупейный художник»); *«...сердце не заезжий двор: в нем тесно не бывает»* («Жемчужное ожерелье»), *«...где уже нам с вами за одним столом чай пить, когда мы вашему морициться не умеем»* (Железная воля»).

Одной из особенностей речи героев с низким культурным уровнем является «немотивированное применение письменно-книжных оборотов и конструкций, выходящих за границы своих стилистических норм», отмечаемое и у современных носителей языка [8, с. 181].

Образчиком такой псевдокнижности, высокого стиля в представлении провинциально-го приказчика может служить речь Сергея – героя повести «Леди Макбет Мценского уезда». Лексика, обороты речи и синтаксические конструкции, которые кажутся Сергею признаком речи образованного человека, соседствуют с просторечными и диалектными словами и формами: *«На ком тут жениться? Человек я незначительный; хозяйская дочь за меня не пойдет, а по бедности все у нас, Катерина Ильвовна, вы сами изволите знать, необразованность. Разве оне могут что об любви понимать как следует! Вот изволите видеть, какое ихнее и у богатых-то понятие. Вот вы, можно сказать, каждому другому человеку, который себя чувствует, в утешение бы только для него были, а вы у них теперь как канарейка в клетке содержитесь»*; *«Я б хотел пред святым предвечным храмом мужем вам быть: так тогда я, хоть завсегда млаже себя перед вами считая, все-таки мог бы по крайности публично всем обличить, сколь я у своей жены почтением своим к ней заслуживаю...»* и т.п.

Стремлением продемонстрировать свое умение вести себя в обществе объясняется использование эвфемизмов в речи героини повести «Воительница»: *«К тому же и обращение у Домны Платоновны было тонкое. Ни за что, бывало, она в гостиной не скажет, как другие, что «была, дескать, я во всенародной бане», а выразится, что «имела я, сударь, счастье вчера быть в бестелесном маскараде...»*.

Безусловно, было бы большой ошибкой полностью отождествлять речь литературных героев с речью реальных носителей языка соответствующей эпохи. Однако при изучении творческого наследия писателей-классиков, подлинных мастеров слова, можно выявить специфику речи определенных слоев общества. Рассмотренные нами типичные особенности речи героев ряда произведений Н.С.Лескова позволяют глубже понять языковую ситуацию, сложившуюся во второй половине XIX в., основной особенностью которой была тенденция к расширению границ литературного языка за счет широкого потока «заимствований из различных языков, слов из народных говоров, социальных диалектов, профессиональных лексиконов, мещанского и крестьянского просторечия» [9, с. 146].

ЛИТЕРАТУРА

1. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.
2. Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.
3. Орлов А.С. Язык Лескова // Язык русских писателей. М.-Л., 1948.
4. Фаресов А.И. Н.С.Лесков о языке своих произведений. Лит. приложение к ж. «Нива». 1897. № 10.
5. Русские писатели о литературном труде. М., 1955, т.3.
6. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.
7. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. М., 1964.
8. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. М., 1981.
9. Шкляревский Г.И. История русского литературного языка (вторая половина XVIII-XIX века). Харьков, 1967.

Н.Г.Архипова

НАИМЕНОВАНИЯ ЖЕНСКОЙ ОДЕЖДЫ В ГОВОРАХ СТАРООБРЯДЦЕВ (СЕМЕЙСКИХ) АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Население Амурской области сложилось в результате сложных миграционных движений из разных мест России (Сибири, Забайкалья, южно- и севернорусских губерний), Украины, Беларуси, Польши и др. Это обстоятельство нашло отражение в языке и материальной культуре жителей региона, в частности, сказалось на специфике костюма.

Тематическая группа слов – наименований одежды – представляет значительный интерес в связи с системным изучением диалектной лексики и исследованием соотношения языкового материала с региональными особенностями материальной культуры.

Лексика русских говоров Приамурья включает наименования элементов костюма, характерного для южнорусских, севернорусских и среднерусских территорий. Так, можно говорить, что в Приамурье бытовал общерусский (по происхождению севернорусский) комплекс женской одежды с сарафаном (*круглым, москвичом, дабинником* и др.), длинной рубахой (*станушкой, рукавами*), сложным кичкообразным головным убором (*кичкой*). Зафиксированы наименования женского костюма, типичного для средней полосы и западных районов России: *андарак, клиник, подбор*. Наименования *понёва (понява), кошуля, сорока, запон* встречаются в речи потомков переселенцев из южных губерний России, а также Украины и Беларуси. Вместе с тем, на территории Амурской области зафиксированы локальные комплексы одежды, отличающиеся значительным своеобразием. Так, синтез общерусского и южнорусского типов одежды породил яркий, колоритный, построенный на контрастных сочетаниях цветов костюм старообрядцев (семейских) с сарафаном различных типов (*горбачем, поморником, круглым, московским*), нательной рубахой (*станушкой, становиной, рукавами*), сложным головным убором с несколькими платками, повязанными особым образом, запоном, украшениями из янтаря, разнообразных дутых бус, бисера, гаруса, гусиных перьев.